

ветствующих специалистов, что несколько изменило отношение казахского населения к сельскохозяйственным школам.

Немаловажное значение имело возрастание размеров переселенческого движения крестьянства из европейских районов Российской империи. Возвращение в степь столь значительного контингента земледельцев потребовало нового отчуждения земель у местного населения. Потеря прежнего пространства для кочевания усилила стремление, особенно беднейшей части аула, к оседлому образу жизни. Например, по определению Акмолинской областной администрации, в Петропавловском, Омском, Кокчетавском уездах к 1895 г. к оседлости перешло от 1/2 до 2/3 всего казахского населения.<sup>25</sup> Значит, дальнейшее развитие получило земледелие. Соответственно в казахской среде менялся взгляд на сельскохозяйственные школы «как на приюты, куда помещают детей только потому, что их здесь будут содержать на всем готовом и все-таки хотя научат грамоте».<sup>29</sup>

Наконец, проведение Транссибирской магистрали для части казахов стало выгодным промыслом, что привело к росту спроса на выпускников сельскохозяйственных учебных заведений.

Таким образом, только в последнее десятилетие XIX в. в Степном генерал-губернаторстве сложились условия, при которых низшие сельскохозяйственные школы действительно стали ступенью профессионального образования. Только в эти годы появились положительные отклики выпускников этих школ, получивших возможность реализовать на практике полученные знания. Характерным в этом отношении было выступление в печати выпускника Павлодарской сельскохозяйственной школы: «В 1888 г. родители отдали меня в Павлодарскую сельскохозяйственную школу, где я ...окончил курс, по выходе мне выдали одну лошадь и одну соху, чтобы заниматься хлебопашеством...Наш скромный труд двигался с успехом;...видя удачный результат, многие киргизы... стали просить меня принять их в число хлебопашцев...они просят меня, чтобы я руководил ими, давал наставления».<sup>30</sup>

#### Библиографический список

- <sup>1</sup> ЦГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 180. Л. 80
  - <sup>2</sup> Там же. Л. 80
  - <sup>3</sup> Там же. Л. 80 (об.)
  - <sup>4</sup> ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 374. Л. 3
  - <sup>5</sup> ЦГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 125. Л. 357 (об.)
  - <sup>6</sup> ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 374. Л. 4.
  - <sup>7</sup> ЦГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 125. Л. 204 (об.)
  - <sup>8</sup> Там же. Л. 204 (об.)
  - <sup>9</sup> Там же. Л. 205 (об.)
  - <sup>10</sup> Там же. Л. 206
  - <sup>11</sup> Там же. Л. 206 (об.). 207.
  - <sup>12</sup> Там же. Д. 180. Л. 81.
  - <sup>13</sup> Там же. Д. 243. Л. 29
  - <sup>14</sup> Там же. Д. 125. Л. 119.
  - <sup>15</sup> Там же. Д. 395. Л. 43 (об.)
  - <sup>16</sup> Там же. Л. 43 (об.)
  - <sup>17</sup> Там же. Д. 125. Л. 121 (об.)
  - <sup>18</sup> Там же. Л. 357 (об.)
  - <sup>19</sup> Там же. Л. 119.
  - <sup>20</sup> Там же. Д. 338. Л. 113.
  - <sup>21</sup> Там же. Ф. 64. Оп. 1. Д. 393. Л. 112.
  - <sup>22</sup> Там же. Ф. 132. Оп. 1. Д. 36. Л. 2 (об.), — 1/3.
  - <sup>23</sup> Всеподданнейший отчет Степного генерал-губернатора о главнейших мероприятиях по благоустройству Степного края. Омск. — С. 3.
  - <sup>24</sup> Там же. — С. 8.
  - <sup>25</sup> Сукачев В.П. Ненужное генерал-губернаторство. // Сибирские вопросы. 1899. №2. — С.95.
  - <sup>26</sup> ЦГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 125. Л. 120.
  - <sup>27</sup> Там же. Д. 647. Л. 151.
  - <sup>28</sup> Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Т. 3. Сиб. 1910. — С. 104, 107.
  - <sup>29</sup> ЦГАРК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 32. Л. 3. (об.) — 4.
  - <sup>30</sup> Ногербекоев А. Мои занятия хлебопашеством. / Киргизская степная газета. 1894. №49. 3 декабря.
- ПЛАХОТНИК Тамара Юрьевна**, старший преподаватель кафедры правоведения и методики преподавания права.
- Дата поступления статьи в редакцию 25.08.06.  
© Плахотник Т. Ю.

УДК 323.329

Е. А. ЛЫСЕНКО

Санкт-Петербургский институт  
истории РАН

## РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И «СМЕНА ВЕХ»: 1921 г.

Исследование первых отзывов со стороны русской интеллигенции на выход сборника «Смена вех» позволяет сделать вывод о глубокой политической дифференциации русской интеллигенции как в России, так и в эмиграции к 1921 г. В статье прослеживаются общие черты «сменовеховской» и «веховской» традиции в понимании сущности русской интеллигенции, государства и революции.

Революция 1917 г. расколола Россию на два враждующих лагеря. Этот раскол затронул и русскую интеллигенцию, причем не только внутри страны, но и в эмиграции. Далеко не все эмигранты в дальнейшем влияли на внутреннюю политику России, но интеллигентская составляющая русской эмиграции «пер-

вой волны» в этом ряду является безусловным исключением. Здесь идет речь не только о значительном вкладе эмигрантов в русскую культуру. Постреволюционная русская эмиграция 1920-1940 гг. насчитывает более десяти крупных политических движений, каждое из которых, в свою очередь, вклю-

чает в себя несколько направлений. [1]. Большинство из них осуществляло планомерную борьбу с большевистским режимом. Представители ряда течений эмигрантской мысли пытались переосмыслить опыт русской революции. Были и те, кто «принял большевизм» и вернулся в Россию.

Идеологической основой «возвращенцев» стало «сменовеховство» — общественно-политическое течение, заявившее о себе в 1921 г. выходом в Праге сборника статей «Смена вех». Течение вызвало значительный резонанс как среди эмигрантской интеллигенции, так и в руководящих кругах большевистской партии. Авторы сборника Ю.В. Ключников, Н.В. Устрялов, А.В. Бобринцев-Пушкин, С.С. Лукьянов, С.С. Чахотин и Ю.Н. Потехин призвали русскую интеллигенцию к сотрудничеству с большевиками во имя воссоздания великой России.

Характеризуя состав участников сборника, «Известия ВЦИК» писали, что это были люди, «выдавшие виды и принадлежавшие не к легковесному «третьему элементу», а к настоящей цензовой интеллигенции, составляющей немаловажную часть буржуазного класса». [2]. Газета умалчивала о показательном факте в биографиях «сменовеховцев»: большинство из них совсем недавно было активными участниками белого движения, занимало правые и умеренно-правые политические позиции. Ведущие идеологи «Смены вех» — кадеты Н.В. Устрялов и Ю.В. Ключников — активно сотрудничали с колчаковским режимом. Н.В. Устрялов в «белом Омске» являлся директором Пресс-бюро, стоял у истоков создания акционерного общества «Русское общество печатного дела» (Русское бюро печати) и был редактором газеты «Русское дело». Ю.В. Ключников занимал пост управляющего министерством иностранных дел при Директории и А.В. Колчаке, в 1919 г. был представителем Омского правительства на Версальской мирной конференции. «Сменовеховцы» не раз подчеркивали факт своего участия в «белом деле», говоря о своих правах критиковать идею продолжения вооруженной борьбы с большевизмом.

Авторы «Смены вех», подчеркивая свою преемственность идеям сборника «Вехи» (1909), заявили о национальном характере русской революции. Несмотря на то что нынешние правители России говорят об интернациональной основе своей идеологии, форма и содержание — не одно и то же, утверждали «сменовеховцы». Революция, подготовленная интеллигенцией, вылилась в народные массы, которыми интеллигенция должна была управлять. Она же в это время «отдыхала на дачах». Потеряв власть над революцией, интеллигенция ушла в вооруженную борьбу с ней, но представители белого движения изначально были неспособны решить проблемы России, порожденные войной и разрухой. Большевизм же, считали лидеры «сменовеховства», имел качества, которые помогали ему воссоздать и сохранить Россию в ее границах, справиться с анархией.

Признавая, что Советская власть долго оставалась «кучкой фанатиков, окруженных кучей мерзавцев», «сменовеховцы» видели в этом вину самой интеллигенции. Она, по их убеждениям, не смогла принять столь долгожданной революции, отстранилась от нее, саботировала внутри страны новую власть и ее усилия по воссозданию России. «Разве таково было бы положение Советского правительства, если бы мозг страны — ее интеллигенция — сознавала свою кровную связь с ним, если бы она несла ему свои силы...?» [3]. — восклицал С.С. Чахотин, призывая интеллигенцию:

«В Каноссу!» Лозунг, отразивший всю сущность российской интеллигенции на протяжении всей истории ее существования, звучал в последней статье сборника: «Домой! В Россию! С сознанием, что перестроить ее посветлей и попросторней можно, только считаясь с главным строительным материалом — народом» [4].

В статье «Смена вех» Ю.В. Ключников подчеркивал, что «веховцы» были правы, выводя образ русского интеллигента, похожего на «большевика». Он утверждал, что вся российская интеллигенция большевистская по своей психологии. «Во время революции обнаружилась <...> не борьба психологических антитез и антиподов, а борьба различных типов <...> в лоне одного и того же интеллигентского большевизма <...> Вся <...> русская интеллигенция распалась на два громадных лагеря и вступила в братоубийственную борьбу... Борьба эта прекратится, и лагеря сольются, когда случится одно из двух: или когда угадавшие веление революции получат с ее помощью столько силы, что принудят подчиниться себе даже наиболее упорных врагов; или же — второй случай — когда побежденные революцией русские интеллигенты поймут неправильность своего пути». [5] В статье содержался призыв, близкий «Вехам». Но он был уже не предостережением интеллигенции, а попыткой подтолкнуть ее к исправлению собственных ошибок. Ю.В. Ключников предлагал интеллигенции изжить в себе извечный радикализм. В этом он видел единственный путь преодоления большевизма как внутри психологии интеллигенции, так и внутри России вообще. Идя этим путем, «из внегосударственной и антигосударственной, она (интеллигенция. — Е.Л.) делается государственной, и через ее посредство государство — Русское государство — наконец-то станет тем, чем оно должно быть — «путем божьим на земле» [6].

Как мы видим, сменовеховцы продолжили не только традиционные для «Вех» критику и анализ «родовых» черт русской интеллигенции, но и вслед за «веховцем» П.Б. Струве тесно связали между собой две категории — «интеллигенция» и «государство», но уже в контексте нового витка развития России. Среди сменовеховцев взаимоотношение этих двух категорий более всего интересовало Н.В. Устрялова, признававшего себя учеником П.Б. Струве. И свою статью в сборнике «Смена вех» он озаглавил «Patriotica» — по названию сборника статей П.Б. Струве, вышедшего в 1911 г.

Ю.В. Ключников также не остался в стороне от рассмотрения этой темы.

«Сменовеховцы», прежде всего в лице Н.В. Устрялова, готовы были простить большевикам все, лишь бы те воссоздали Россию как великое государство, в сущности, империю. Практически была выдвинута мысль о государстве-мессии, обладающем монополией на осуществление извечной мечты российской интеллигенции — реализации мессианского призвания России и русского народа в мировом масштабе. «Лишь физически сильное государство может обладать великой культурой» [7]. — писал Н.В. Устрялов. Новый духовный подъем России, в результате которого она еще раз переживет «правду Тютчева, Достоевского, Соловьева», возможен, «но для этого Россия должна стать великой державой» [8].

«Мистика» государства в «Смене вех» прослеживается еще и в том, что авторы сборника были убеждены — никто не может сломить, побороть присущей России великодержавной сущности. Даже большевики, попытавшиеся уничтожить страну,

отказавшись от идей патриотизма и территориального единства, подписав Брестский мир, провозгласив самоопределение народов, не смогли противостоять этой мистике и начали «лить воду» на национальную, государственную «мельницу» России. «Сменовеховцы» соединили интеллигентский максимализм, критикуемый «Вехами», с национальным мессианством, идеи которого были свойственны многим направлениям интеллигентской мысли (славянофилы, народники). Этот синтез дал им возможность оправдать все жертвы революции, оправдать террор, а в дальнейшем и репрессии сталинского периода. Практически они провозгласили большевизм формой реализации «русской идеи». С такими выводами не согласилась большая часть русской интеллигенции в эмиграции.

«Смену вех» и «Вехи» объединило то, что критика в их адрес была многочисленной и жесткой и исходила, как и после 1909 г., преимущественно от представителей либерального крыла интеллигенции. Если идеи «Вех» были восприняты как «орудие реакции» (по словам П.Н. Милюкова) и своеобразным оскорблением интеллигенции, то позицию «сменовеховцев» назвали просто «предательством».

На выход сборника ответило критикой большинство разрозненных и противоборствующих партий русской эмиграции. Кадетские «Последние Новости» прямо заявили об идейной связи «веховцев» и «нововеховцев», не учитывая даже того факта, что авторы «манифеста» 1909 г. после революции 1917 г. отказались от своих идей осуждения интеллигенции, увидели в ней неопределимое в постреволюционной ситуации стремление к гуманистическим ценностям, к свободе, которой не было в Советской России. Они не признали своих «незаконнорожденных детей», указав на то, что если «Вехи» были «революционным отрицанием революционной идеологии, восстанием против этой идеологии во имя неких высших начал, религиозных, культурных и общественных», то «Смена вех» «есть возведенное в идею и философию оппортунистическое принятие революции, то приспособление к подлости, о котором говорил когда-то Салтыков». [9].

П.Б. Струве пытался откреститься от «учеников», обвиняя их, прежде всего, в аморальности и слепом поклонении политической конъюнктуре, результатом чего явилось «поразительное моральное убожество этого произведения и его моральная смрадность». [10] Но как бы ни старался отречься от «учеников» П.Б. Струве, «родство» «Вех» и «Смены вех» было признано представителями эмигрантской интеллигенции.

Наиболее активно свою позицию выразили бывшие однопартийцы Н.В. Устрялова и Ю.В. Ключникова — кадеты. В преамбуле «Вехам» сборник практически «обвинил» П.Н. Милюков. Он одним из первых заметил силу философских аргументов именно Н.В. Устрялова и, выделив его из других авторов сборника, подчеркивал в своей статье с говорящим само за себя названием — «Новорегимные реакционеры», что ученик П.Б. Струве «вехи» не менял и призывает с неславянофильских позиций <...> пойти к Сергию Радонежскому, считая, что новая эпоха будет связана не с европейским либерализмом, а с мировым влиянием России и русской культуры» [11].

Необходимо подчеркнуть, что П.Н. Милюков продолжал свою критику «Смены вех» и в последующие годы, полемизируя с представителями данного течения на страницах эмигрантских изданий и

даже посвящая «сменовеховству» и его критике лекции. [12] Но если в дальнейшем П.Н. Милюков спорил со своими оппонентами о том, как следует оценивать большевизм и есть ли перспективы у возвращающихся в Россию интеллигентов, то первая его реакция на «Смену вех» была именно философской и продолжала старый спор П.Н. Милюкова с «веховцами».

Такой же характер носил целый ряд эмигрантских откликов на сборник, опубликованных в 1921 г.

21 сентября 1921 г. вышла в свет статья «Без вех». [13] Автором ее был П. Рысс, обвинивший «веховцев» в том, что они подготовили почву для возникновения «предательства» «Смены вех». Интересным является тот факт, что П. Рысс, которого можно назвать соратником П.Н. Милюкова, разделял некоторые взгляды «Смены вех». Это видно из его книги «Русский опыт», изданной в Париже в 1920 г. В ней П. Рысс пришел к выводу о том, что единственной творческой положительной силой в революции оказались коммунисты. С.А. Федюкин называл эту книгу и ее автора в числе предшественников идей «Смены вех» [14]. Таким образом, статья П. Рысса «Без вех» была, скорее, продолжением критики «Вех», своеобразным возгласом злорадства по поводу того, что идеи «веховцев» получили столь неожиданное и даже неприятное для них выражение в «Смене вех». Автор также указывал, что призыв к «уходу в идеализм», сделанный «вехами», имел любопытный результат — «возвращение к коллективизму», признание государства «единственной подчиняющей силой». «Теперьшня «Смена вех», — писал он, — есть только пересказ собственными словами того, о чем уже говорили «Вехи» <...> Учителя в поисках «мистики государства» жертвовать собой пошли к Кривошеину, ученики ту же «мистику государства» <...> обрели в Ленине». [15].

Далеко не все представители эмигрантской интеллигенции увидели в «Смене вех» результат интеллектуального поиска, как это сделали П.Н. Милюков, П. Рысс. Указанием на идейное родство сборника с «Вехами» интеллигенция не ограничилась. Те же кадеты в лице Б. Мирского назвали «сменовеховство» «неотертуллианством» за абсурдную веру в национальные свойства Советской власти. Вслед за этим последовали обвинения в «черносотенстве», в том, что представители нового течения «взапуски, обгоняя друг друга, бросились к Троцкому» [16].

«Знаменем безверия, плодом духовного оскудения и отчаяния тех, кто не снес тяжкого креста русской интеллигенции и отрекся от нее прежде, чем трижды пропел петух» назвала сборник эсеровская «Воля России». О том, что «Смена вех» встретила «презрение всех зарубежных газет» и что «в оценке этого литературного явления <...> общественное мнение оказалось совершенно единодушным», заявила в свойственной ей безапелляционной манере газета берлинских эсеров «Голос России». [17].

Утверждение «Голоса России», приведенное выше, грешило против правды. Не все были столь единодушны в оценках сборника. У «сменовеховцев» нашлись приверженцы и поклонники.

В 1922 г. Ю. Потехин писал: «По мнению Милюкова, в Париже влияние нововеховцев "не идет дальше отдельных единиц"». Но в Берлине сменовеховство «привлекает гораздо больше клиентов» [18].

Среди тех, кто принял сменовеховские взгляды, были достаточно известные дореволюционной России политики, такие, как обер-прокурор Священного Синода при Временном правительстве В.Н. Львов. В 1921 году Львов «становится рьяным сменовехов-

цем, безоговорочно признающим большевиков» [19]. Уже тогда он выпустил в свет брошюру «Советская власть в борьбе за русскую государственность» [20], которая по своим положениям является национал-большевистской. В ней он утверждал, что большевизм поможет русскому народу реализовать его великую историческую миссию, т.к. является поистине национальной властью.

Одним из авторов сборника «Смена вех» стал А. Бобрищев-Пушкин, бывший товарищ председателя партии октябристов, до 1917 г. печатавшийся в газетах под псевдонимом Громобой и ведший на страницах изданий полемику с В.И. Лениным.

Причины значительного интереса к «Смене вех» и поддержки их идей частью эмигрантской интеллигенции попытался объяснить в своей книге 1922 г. «По новым вехам» разочаровавшийся в «белом» движении известный журналист В. Белов. Он писал: «Образование политической группы «сменовеховцев» явилось логическим результатом четырехлетнего кипения двухмиллионного эмигрантского котла; группа эта явилась естественным продуктом непрерывной переоценки ценностей, вызывавшейся ежедневно изменяющейся политической ситуацией, — в одной части эмиграции и с одной стороны, — и несокрушимого политического упрямства реакционно настроенной другой части, с другой стороны».[21]

Действительно, за четыре года, прошедшие после революции, часть эмигрантской интеллигенции, устав от борьбы с большевизмом и увидев кризис «белого» движения, была подготовлена к восприятию идей «Смены вех», по крайней мере, в той их части, которая касалась «примирения» и профессионального сотрудничества с Советской властью. «Сменовеховские» настроения мы найдем в целом ряде статей, вышедших задолго до 1921 г. Их авторами были А.С. Изгоев, П.А. Сорокин и другие [22]

В 1919 г. в Берлине была создана политическая группа русских эмигрантов, которую можно смело считать предтечей сменовеховского движения. Организованная В.Б. Станкевичем группа «Мир и труд» объявила своей политической концепцией «культурное примиренчество». Членами группы были русские военные, интернированные в Германию, и в основе ее идеологии лежал отказ от участия в братоубийственной войне. В неопубликованной «Истории возникновения организации "Мир и труд"» В.Б. Станкевич указывал, что она возникла на фоне краха армий Колчака, Деникина, Юденича, Бермонта как небольшой кружок людей, стремящихся «под знаменем "Мира и труда" вести борьбу с духовной разрухой, причиненной войной международной и гражданской» [23].

Платформа организации была напечатана в журнале «Жизнь» [24]. Помимо призывов к прекращению войны, высказываний о недопустимости борьбы с большевиками путем иностранных армий «Мир и труд» заявляла: «Революция так натосковалась по мирной работе, что примет любой политической строй, который обеспечит возможность производительного труда» [25]. Надежда возлагалась на эволюцию большевизма. Организация просуществовала всего лишь год. Два ее активных члена — Р. Гуль и А. Яценко — стали в дальнейшем «сменовеховцами».

Несмотря на краткую историю, «Мир и труд» предвосхитила появление «сменовеховского» течения. Кроме того, она вызвала отклики внутри России [26], где уже в 1918 г. В.И. Ленин поставил задачу привлечения к сотрудничеству «левой» интеллигенции [27],

Таким образом, можно утверждать, что как настроения самой эмиграции, так и деятельность идеологических предшественников «сменовеховства» подготовили интеллигенцию к восприятию идей «Смены вех». Важно и то, что пропаганда идей нового движения проводилась его лидерами через ряд собственных печатных изданий: еженедельник «Смена вех» (Берлин), альманах «Русская жизнь» (Харбин), газету «Накануне» (Берлин) и газету «Новости жизни» (Харбин).

Слова о поддержке «сменовеховства» можно отнести не только к эмигрантским кругам. Известный отклик призыв «В Каноссу!» нашел и у той части интеллигенции, которая оставалась в Советской России. «Примиренчеством» сменовеховцев серьезно заинтересовались и большевики, стремящиеся в начале 1920-х гг. к сотрудничеству с интеллигенцией для воссоздания экономического и международного потенциала России.

Сборник «Смена вех» был переиздан в том же 1921 г. в Советской России с послесловием известного публициста и писателя А.К. Воронского. Выступая на 2-м Всероссийском съезде Советов в октябре 1921 г., Л.Д. Троцкий отмечал, что сменовеховцы «проделали известную внутреннюю идейную работу под углом зрения патриотизма. Они остановились на полдороге по пути к нам. <...> Нужно, чтобы в каждой губернии был хоть один экземпляр этой книжки — «Смена вех»».[28] В Государственной библиотеке им. Ленина в Москве и сегодня хранятся перепечатки пражского издания «Смены вех»: смоленское и тверское издания тиражом, соответственно, 7500 и 10 000 экземпляров.

В 1921 г. в Петрограде была организована свободная продажа сборника. Значительно высокая цена не помешала тому, что он быстро раскупался. Книга стоила 250 000 рублей за экземпляр [29] в то время как фунт ржаного хлеба - 700 рублей [30].

Советская Россия откликнулась на выход сборника целым шквалом статей. [31] Основными мыслями, изложенными в них, были: возникновение «сменовеховства» — закономерный процесс, связанный с военными и государственными успехами большевиков; «сменовеховство» — идеология части интеллигенции, имеющая переходный характер и ведущая к признанию правильности коммунистического мировоззрения; идеология «Смены вех» исторически ограничена, но на тот момент (первая половина 1920-х) она имела прогрессивный характер и заслуживала поддержки до тех пор, пока вся интеллигенция не перейдет на позиции коммунизма.

Внутрироссийская интеллигенция, пока еще имевшая возможность обмениваться идеями с эмигрантской средой, знакомиться с зарубежными сменовеховскими публикациями, провела в 1921 г. в Доме литераторов Петрограда собеседования, посвященные «Смене вех». Первое из них состоялось 20 ноября 1921 г.

В нем приняли участие активные в дальнейшем российские сменовеховцы Н. А. Гредескул, Я. Б. Лившиц, П. К. Губер, А. Н. Шебунин, В. Г. Тан-Богораз, С. А. Адрианов и другие [32]. Большинство диспутантов призвали добиваться большего участия интеллигенции в жизни Советской России, подчеркнули правильность «великодержавных» идей «Смены вех». Исключение составил лишь А.С. Изгоев, предупредивший в своем выступлении, что большевики не поддержат «сменовеховство» и это сделает его бесполезным [33].

Показателем интереса к сменовеховским идеям в России стал выход внутри страны в марте 1922 г.

первого номера «сменовеховского» журнала «Новая Россия» («Россия»), редактируемого И.Г. Лежневым — человеком, который станет лицом российского сменовеховства.

Как мы видим, только за первый год после выхода в свет сборника «Смены вех» он вызвал волну откликов и приобрел ряд последователей внутри Советской России и в среде эмигрантской интеллигенции. Тем не менее, в момент наибольшего накала полемики вокруг «Смены вех», приходящейся на 1921-1922 гг., само сменовеховское течение постепенно двигалось по пути раскола. В этом процессе проявился постоянно присутствующий в российской интеллигенции порыв к идейной дифференциации. Иллюзия единства «сменовеховства» вскоре стала очевидной, прежде всего, самим его создателям. Хотя та часть их идейно-политической платформы, которая призвала интеллигенцию к сотрудничеству с большевизмом во имя восстановления России, завоевывала все больше новых сторонников, философская составляющая течения оставалась в русле идей «возвращенчества». Национально-мессианские аспекты «Смены вех», на которые указывал неприимимый оппонент авторов сборника П.Н. Милоков, становились «закрытой книгой» для большинства последователей «нововеховцев».

Раскол привел к возникновению двух направлений в сменовеховстве. Европейское левое крыло течения, рупором которого являлась берлинская газета «Накануне», отказывалось от идеи «перерождения» большевизма. Правое крыло течения, сформированное в Харбине Н.В. Устряловым, продолжало развивать особую «национал-большевистскую» концепцию постреволюционного развития России, основанную на «веховской» традиции и принципах консервативной философской мысли России XIX-нач. XX вв.

На основе рассмотренных материалов, как представляется, можно сделать вывод о том, что как в эмиграции, так и в Советской России к 1921 г. у идеи сотрудничества образованного класса с Советской властью были свои приверженцы. Одновременно следует констатировать, что сменовеховство имело многочисленных противников, которые ставили авторам сборника в вину не только поражение и предательство идеи либерализма, но и продолжение линии «Вех», направленной на критику «родовых черт» русской интеллигенции. Столь противоположные оценки «Смены вех» позволяют говорить о крайней политической дифференциации русской интеллигенции к 1921 г., что подтверждает история сменовеховского течения, пришедшего к расколу спустя несколько лет после своего возникновения. Без учета этих выводов нельзя рассматривать объективно историю как российской постреволюционной эмиграции, так и историю русской интеллигенции в целом.

Результаты данного исследования могут быть использованы при чтении общего курса истории России, специальных курсов истории российской эмиграции и истории русской интеллигенции на гуманитарных факультетах вузов страны, а также в научно-просветительской работе исторических музеев (Музей политической истории России (г. Санкт-Петербург), Музей современной истории России (г. Москва) и др.).

#### Библиографический список

- 1 См.: Политическая история русской эмиграции 1920-1940 гг. Документы и материалы. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 1999.
2. Известия ВЦИК. 1921, 13 сентября.
3. Смена вех. Прага, 1921. — С. 128.
4. Там же. — С. 155.
5. Там же. — С. 27.
6. Там же. — С. 50.
7. Там же. — С. 49.
8. Там же. — С. 49.
9. Струве П.Б. Прошлое, настоящее и будущее / П.Б. Струве //Русская мысль. — 1922. — кн.1-2. — С.228.
10. Там же. — С. 228.
11. Милоков П.Н. Новорезимные реакционеры / П.Н. Милоков //Последние новости. 1922. 17 ноября.
12. Потехин Ю. Без союзников и без тактики / Ю.Н. Потехин //Накануне. 1922. №20.
13. Рысс П. Без вех / П. Рысс //Последние новости. 1921. 21 сентября.
14. Федюкин С.А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к н.п.: М.: Наука, 1977. — С. 104.
15. Рысс П. Без вех / П. Рысс //Последние новости. 1921. 21 сентября.
16. Последние новости. 1921. 15 февраля.
17. См.: Ключников Ю.В. Наш ответ / Ю.В. Ключников // Смена вех. — 1921. — №4. — С. 1-16.
18. Потехин Ю. Без союзников и без тактики / Ю.Н. Потехин //Накануне. 1922. №20.
19. Агурский М.А. Идеология национал-большевизма / М.А. Агурский. — Париж: УМКА-PRESS, 1980. — С. 104.
20. Львов В. Советская власть в борьбе за русскую государственность. / В. Львов. — М., 1921.
21. Белов В. По новым вехам / В. Белов. - Ревель, 1922. — С.5.
22. См.: Изгоев А.С. Социализм, культура, большевизм / А.С. Изгоев //Из глубины: Сборник статей о русской революции. СПб, 1991; Коган Л.А. Выслать за границу безжалостно / Л.А. Коган //Вопросы философии. — 1993. — №9. — С. 83-84.
23. Цит по: Флейшман Л. Русский Берлин. 1921-1923. По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте / Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. — Париж: УМКА-PRESS. — 1983. — С. 15.
24. От организации «Мир и труд» //Жизнь. 1920. №7. — С. 1-3.
25. Там же. — С. 2.
26. Мещеряков Н. Без дороги / Н.А. Мещеряков // Печать и революция. - 1921. - Кн.2. - С. 7-15; Быстрянский В. На пути в Каноссу / В. Быстрянский //Книга и революция. - 1921. - №8-9. - С. 1-21.
27. Подробно о взгляде В.И. Ленина на сотрудничество с интеллигенцией см.: Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция / С.А. Федюкин. - М.: Наука, 1972. - С. 69-88.
28. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. (На военной работе) / Л.Д. Троцкий. - М., 1924. - С. 30-31.
29. См.: Лаврецкий В. Новые и старые Вехи / В. Лаврецкий //Смена вех. - 1922. - С. 21-24.
30. Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть 1917-1921гг. /А.Ю. Давыдов. — СПб: Наука, 2002. — С.289.
31. Воронский А. На новом пути / А. Воронский // Печать и революция. - 1921. - №3; Глебов М. Первые вехи / М. Глебов // Пролетарское студенчество. - 1923. - №1; Луначарский А.В. Смена вех интеллигентской общественности / А.В. Луначарский // Культура и жизнь. 1922. - №1; Луначарский А.В. Об интеллигенции / А.В. Луначарский. - М., 1923; Мещеряков Н.И. О новых настроениях русской буржуазной интеллигенции / Н.И. Мещеряков // Печать и революция. - 1921 - №3; Мещеряков Н.И. Новые вехи / Н.И. Мещеряков / Красная новь. 1921. — №1; Мещеряков Н.И. На переломе (из истории белогвардейской эмиграции) / Н.И. Мещеряков. - М., 1922; Еще раз о «Смене вех» // Правда. — 1921. — 19 ноября; Мещеряков Н.И. Русские сменовеховцы / Н.И. Мещеряков // Красная новь. — 1922. — №2; Мещеряков Н.И. Мечты сменовеховцев и их судьба / Н.И. Мещеряков / На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией.

М., 1923.; Стеклов Ю. Психологический перелом. // Известия ВЦИК. 1921. 13 ноября.

32. Лившиц Я. Новые и старые Вехи: (Два собеседования в Доме литераторов о сборнике «Смена веx») / Я. Лившиц // Летопись Дома литераторов. - 1921. - №3. - С. 10-12.

33. Лившиц Я. «Вехи» и «Смена веx» (Диспут в Доме литераторов) / Я. Лившиц // Летопись Дома литераторов. - 1922. №1-2. - С. 10-11.

**ЛЫСЕНКО Елена Анатольевна**, аспирантка Санкт-Петербургского института истории РАН, старший научный сотрудник Музея политической истории России (г. Санкт-Петербург).

Дата поступления статьи в редакцию 09.08.06.

© Лысенко Е. А.

УДК 316.75:316.346.2-055.2(470)

**Е. А. ШАБАТУРА**

Омский государственный университет  
им. Ф.М. Достоевского

## ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА «НОВОЙ ЖЕНЩИНЫ» В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ 1920-х ГОДОВ

**Рассматривается возможность применения методики гендерного анализа к источникам с целью реконструкции образа «новой женщины», пропагандируемого советской властью в 1920-е годы XX века. В качестве основных используются изобразительные источники и произведения художественной литературы.**

Проблема реконструкции идеального женского образа в контексте советского идеологического строительства первого послереволюционного десятилетия актуальна для таких направлений современной гуманитаристики, как социальная и гендерная история. Для ее рассмотрения необходимо определить возможности применения методов гендерного анализа к различным видам исторических источников.

Гендерный анализ включает в себя сопоставление предписываемых государственной идеологией и общественным сознанием женских и мужских социальных ролей. Соотношение общественных и частных статусов является основой «гендерного дисплея» (или системы «культурных составляющих пола») [1]. Описать возможности гендерного анализа для разных видов источников, которые репрезентируют образ «новой женщины», — цель данного рассмотрения. Предполагается с помощью методов гендерного анализа «прочитать» идеал, формируемый идеологией, и его трансформацию на протяжении первого десятилетия советской власти.

В периоды бесконфликтного развития социума составляющие «социального пола» (как еще иногда определяют гендер) являются результатом длительного эволюционного развития. Особенностью рассматриваемого периода как послереволюционного является попытка кардинальной перестройки социума, в том числе и конструирования гендерных различий с помощью государственно-идеологической машины. Новая власть с помощью различных культурных текстов и политических деклараций транслировала свое видение места женщины в обществе и соотношения общественных и частных ролей. «Новая женщина» была частью культурного проекта «новый человек». В связи с провозглашением равенства полов основная масса текстов посвящена рассмотрению абстрактного «строителя коммунизма». Качества, предписываемые этому идеалу, не

имеют гендерной принадлежности: любовь к коммунизму, готовность за него бороться, революционный дух, желание участвовать в переменах и активность, трудовая дисциплина, эрудиция и знания, справедливость и безупречная честность, дух коллективизма. «Во всех описаниях человека нового типа сразу бросается в глаза одно: не то, что авторы не знали, что его еще не существует, а, скорее, его абстрактность, оторванность от реальной жизни. Он является иллюстрацией новой культуры, но не ею самой, потому что все эти идеалы в конечном итоге были творением элиты» [2].

Термин «новая советская женщина» рассматривался нами в предыдущих работах [3]. Под ним понимается идеологический образ, призванный служить ориентиром для женского населения Советской России. Он формируется прописываемыми в культурных текстах примерами социально одобряемого поведения, моральных норм. Трансляция образа является частью государственной политики.

Источниками для анализа являются следующие: делопроизводственные материалы, периодическая печать, художественная литература, визуальные источники. Первые две группы являются традиционными для исторического исследования и анализируются в трудах ученых, изданных в 1960-1980-х гг. Эти работы посвящены изучению опыта КПСС по решению женского вопроса с точки зрения господствовавшей в СССР идеологии [4]. Данная группа источников подверглась критическому анализу в 1990-х — начале 2000-х гг. в работах авторов, использующих методы гендерного анализа. С точки зрения соотношения женских и мужских социальных ролей рассматривалась декларативность советской государственной политики в отношении женщин, обосновывалось наличие в российском обществе дискриминации по признаку пола, фиксировалось наличие гендерной асимметрии [5]. Аспектом, который остался вне поля зрения исследователей,